

Императоръ Александръ II и Франція въ 1870 г.

Въ вышедшемъ недавно XV томѣ „Исторіи либеральной Имперіи“—Эмиля Оливье, бывшаго главы французскаго кабинета въ эпоху франко-прусской войны, нѣсколько страницъ посвящено вопросу о положеніи, занятомъ въ ту пору по отношеніи къ Франціи Императоромъ Александромъ II, и выясненію тѣхъ послѣдствій, какія это имѣло для обѣихъ воюющихъ державъ.

Зная антагонизмъ, существовавшій между южно-германскими государствами и Пруссіей, Наполеонъ III рассчитывалъ не только на нейтралитетъ, но даже на союзъ этихъ государствъ; но онъ жестоко въ этомъ ошибся.

„Что сдѣлалось съ этими тупоголовыми нѣмцами, что это они вздумали связаться съ прусской сволочью?“, воскликнулъ французскій посланникъ въ Карлсруэ, графъ Мосбургъ, при извѣстіи о томъ, что Баварія объявила Франціи войну.

„Императоръ Наполеонъ искренне желалъ добра баварскому королю и намѣревался расширить его владѣнія“¹⁾.

Въ этихъ словахъ отразилось впечатлѣніе, которое произвело на Французскій кабинетъ неожиданное рѣшеніе южной Германіи.

Убѣдясь, что война, подъ вліяніемъ сложившихся обстоятельствъ, быстро приобрѣла въ Германіи характеръ національной борьбы и

---

¹⁾ Политическая исторія новѣйшаго времени. Проф. В. Мюллера, СПб. 1872, стр. 246.

объединила подъ знаменами Пруссіи всю Германію, французское правительство увидѣло себя вынужденнымъ искать союзниковъ.

Оно обратило свои взоры къ тремъ державамъ: къ Австріи, гдѣ въ высшихъ сферахъ еще не улеглось чувство горечи за поражение, нанесенное Пруссіей въ 1866, къ Италіи, монарха которой, казалось, можно было склонить на все уступкою Церковной области, и наконецъ къ маленькой Даніи, не перестававшей сожалѣть о потерѣ Шлезвигъ-Голштейна.

Вначалѣ Италія и Австрія подали нѣкоторую надежду, и графъ Бейсть началъ даже дѣйствовать въ интересахъ Франціи, съ цѣлью возможно скорого восстановленія мира, съ сохраненіемъ цѣлости французской и прусской территоріи, но его доброжелательныя намѣренія встрѣтили рѣшительное противодѣйствіе со стороны Россіи и были ею парализованы.

Изъ всѣхъ европейскихъ правительствъ только одно русское правительство искренно не желало вредить Германіи и съ самаго начала войны объявило, что „оно будетъ соблюдать строгій нейтралитетъ до тѣхъ поръ, пока его соблюдаютъ другія державы, но въ случаѣ, если бы которая-нибудь изъ нихъ приняла сторону Франціи, она—Россія, тотчасъ же сдѣлается союзницей Пруссіи“.

Рѣшеніе это было результатомъ личныхъ чувствъ и настроеній самого императора, такъ какъ общественное мнѣніе Россіи относилось къ Пруссіи не особенно симпатично, смотрѣло непріязненно на ея значеніе, и это настроеніе опредѣлялось все яснѣе по мѣрѣ того, какъ развертывались событія; государь же помимо родственныхъ узъ и личной дружбы, связывавшихъ его съ королемъ Вильгельмомъ, не забылъ образа дѣйствій Франціи и Пруссіи въ 1863 году; это опредѣлило его отношеніе къ обѣимъ державамъ въ 1870 г., и никакія старанія французскаго посла въ Петербургѣ, генерала Флери, лично пользовавшагося расположеніемъ Императора Александра II, не могли повліять на политику русскаго кабинета въ смыслѣ благопріятнаго для Франціи вмѣшательства въ конфликтъ.

„Какъ только произошелъ окончательный разрывъ между Франціей и Пруссіей, король прусскій поручилъ состоявшему при немъ русскому офицеру отвезти царю конфиденціальное письмо, въ которомъ, взывая къ его дружескимъ чувствамъ, просилъ его защитить его и не допустить вмѣшательства Австріи. „Царь, говоритъ Оливье, полный уваженія къ памяти отца, болѣе повиновался чувству, нежели руководствовался соображеніями политики, и не поддавался никакимъ вліяніямъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ повиновался велѣ-

ніямъ своего сердца. Такъ было и въ данномъ случаѣ. Онъ безъ всякаго колебанія и съ полной готовностью обѣщаль королю свое содѣйствіе. Вильгельмъ, въ письмѣ отъ 19 іюля 1870 г., сообщилъ королевѣ радостную вѣсть, что „Россія объявила не только доброжелательный нейтралитетъ, но дала возможность предусматривать и большее“.

„Это обязательство Царя по отношенію къ своему дядѣ не вытекало изъ какого-нибудь договора, заключеннаго между ними, но было скрѣплено единственно словомъ Государя, и вслѣдствіе этого было еще болѣе обязательнымъ“.

Это признавалъ самъ Бисмаркъ. „Нѣмцы много говорятъ о благодарности къ Россіи, писалъ онъ въ своихъ запискахъ, а между тѣмъ они знаютъ, что если бы Россія руководствовалась въ 1870 г. чувствами всего русскаго народа, то войска русскаго царя выступили бы противъ Германіи и только личныя симпатіи русскаго царя заставили взять верхъ противоположной политики. Германія всегда пользовалась дружескимъ расположеніемъ Александра II, а не русскаго народа, который со времени войны Пруссіи со Шлезвигомъ не раздѣлялъ въ этомъ случаѣ взгляда своего Императора. Во время войны 1870 г., въ газетахъ, бывшихъ выразительницами взглядовъ русскаго народа, говорилось, что противоестественный союзъ съ Пруссіей будетъ не продолжителенъ“.

Императоръ не скрывалъ своего рѣшенія и особенно поспѣшилъ довести о немъ до свѣдѣнія заинтересованныхъ державъ, Франціи и Австріи.

Въ объявленіи о нейтралитетѣ, опубликованномъ въ „Правительственномъ Вѣстникѣ“, говорилось, что „Императоръ твердо рѣшилъ соблюдать строгій нейтралитетъ по отношенію къ обѣимъ воюющимъ державамъ до тѣхъ поръ, пока интересы Россіи не будутъ затронуты случайностями войны“ и что „императорскій кабинетъ готовъ оказать самое искреннее содѣйствіе всякой попыткѣ, которая будетъ сдѣлана съ цѣлью ограничить предѣлы военныхъ операцій, сократить ихъ продолжительность и возвратить Европѣ блага міра“.

„Французскому посланнику Флери Императоръ сказалъ, что онъ ничего не возразитъ противъ союза Франціи съ Италіей, находя вполне естественнымъ, чтобы итальянская армія взяла тотъ же путь черезъ Альпы, чтобы придти на помощь Франціи, какой взяли французскія войска, идя на помощь Италіи“.

Это ни къ чему не обязывало, такъ какъ Царь подтвердилъ въ то же время, что онъ воспротивится, съ оружіемъ въ рукахъ, про-

тивъ союза Австріи съ Франціей, а ему было хорошо извѣстно, что Италия обусловила свою помощь содѣйствіемъ Австріи.

Повѣренный въ дѣлахъ Россіи въ Парижѣ, Окуневъ, сообщилъ французскому министру иностранныхъ дѣлъ, герцогу Грамону о резолюціи Царя.

„Если Австрія сдѣлаетъ приготовленія, сказалъ Царь, Россія начнетъ свои. Въ Петербургѣ будутъ дѣлать то, что въ Вѣнѣ. Если австро-венгерская кавалерія будетъ на военной ногѣ, то же самое будетъ съ русской кавалеріей, если артиллерія будетъ готова къ военнымъ дѣйствіямъ, русская также. Словомъ, если Австрія станетъ на путь вооруженнаго нейтралитета, Россія сдѣлаетъ то же, и наконецъ если Австрія, какъ союзница Франціи, начнетъ кампанію противъ Пруссіи, то Россія начнетъ кампанію, какъ союзница Пруссіи, противъ Австріи. Французскому правительству выгоднѣе не только отказаться отъ всякаго участія Австріи, но использовать свое вліяніе въ Вѣнѣ въ томъ смыслѣ, чтобы прекратить вооруженія и военныя приготовленія. Взамѣнъ этого Россія обѣщаетъ хранить строгій нейтралитетъ“.

Предупредивъ такимъ образомъ Францію, Царь поспѣшилъ предостеречь и Австрію. Онъ призвалъ къ себѣ австрійскаго посланника Хотека и сказалъ ему: „Я желаю остаться совершенно непричастнымъ начинающейся войнѣ, я намѣренъ соблюдать строгій *невооруженный* нейтралитетъ. Я останусь въ такомъ положеніи до тѣхъ поръ, пока не будутъ затронуты прямыя интересы Россіи. Прямымъ интересомъ Россіи я называю польскій вопросъ, съ которымъ я не могу мириться. Съ момента, когда вы примете вооруженную и угрожающую позицію, она подыметъ, и я, поневолѣ, долженъ буду перейти къ вооруженному нейтралитету и направить мои вооруженныя силы противъ вашей границы. Это положеніе можетъ стать самой опасной наклонной плоскостью. Несмотря на увѣренія генерала Флери, что Франція не коснется польскаго вопроса, я получилъ свѣдѣнія, которыя свидѣтельствуютъ о томъ, что въ этихъ провинціяхъ встрепенулись. Я думаю, что эти французскія заявленія еще неизвѣстны и, хотя я принялъ ихъ съ благодарностью, но я не вполне имъ довѣряю. Я просилъ васъ зайти ко мнѣ, чтобы вы могли слышать все это отъ меня лично и передать императору мою убѣдительную просьбу, съ которой я къ нему обращаюсь при вашемъ посредничествѣ, поступать аналогично со мною. Еще разъ благодарю императора за добрыя увѣренія, которыя были доставлены мнѣ въ Варшавѣ и которыя не изгладилась изъ моей памяти. Скажите вашему августѣйшему монарху, что настоящій моментъ и настоящія обстоятельства еще живѣе

заставляютъ меня желать, чтобы мы были добрыми сосѣдами и откровенными друзьями, такъ какъ мы одинаково безкорыстно готовы воздержаться отъ войны, одинаково желаемъ скорѣйшаго возстановленія мира и одинаково желаемъ по возможности ограничить продолжительность этой войны и уменьшить ея напряженность. Предостерегаю васъ противъ подстрекательствъ Франціи, которая захочетъ вовлечь васъ въ эту войну; у меня есть причины думать это. Правда, вы находитесь лицомъ къ лицу съ Пруссіей, которой вы хотите если не отомстить, то противъ которой вы питаете, во всякомъ случаѣ, злобу, чувство, совершенно естественное. Однако, по моему мнѣнію, Австріи въ настоящій моментъ было бы неполятично поддаться чувству мести“.

Хотекъ замѣтилъ, что при томъ въ высокой степени національномъ характерѣ, какой война принимаетъ въ Германіи, можно опасаться, что въ случаѣ пораженія французовъ, Пруссія сдѣлается опасной притягательной силой для всѣхъ странъ, нѣмецкое населеніе коихъ будетъ тяготѣть отнынѣ къ Берлину. Императоръ Александръ понялъ, повидимому, эту опасность, угрожавшую ему самому въ прибалтійскихъ губерніяхъ.

Возвысивъ голосъ, онъ сказалъ съ горячностью:

„Вотъ сторона вопроса, о которой я радъ поговорить съ вами непосредственно. Скажите вашему монарху, что моимъ словомъ честнаго человѣка, отъ имени короля прусскаго я гарантирую безопасность австрійской монархіи. Надѣюсь, моему слову будетъ придана цѣна, которой оно, кажется, заслуживаетъ. Рѣшивъ поговорить съ вами въ томъ смыслѣ, какъ вы только что слышали, я написалъ королю прусскому, что я объявлю это вамъ отъ своего и отъ его имени. Я не ожидалъ опроверженія съ его стороны. Что касается меня, вы имѣете мое слово до тѣхъ поръ, пока вашъ нейтралитетъ останется невооруженнымъ, и пока вы не будете сконцентрировывать своихъ войскъ. Надѣюсь, что ваша подозрительность по отношенію Пруссіи будетъ разсѣяна моимъ заявленіемъ и тѣми гарантіями, какія онѣ вамъ даютъ. Постараемся сами сохранить миръ и вернуть его Европѣ при нашихъ совмѣстныхъ стараніяхъ. Если вамъ понадобится для чего бы то ни было видѣть меня, я приму васъ съ удовольствіемъ во всякое время, ибо мы переживаемъ серьезную эпоху и каждому дню довлѣетъ злоба его. Что касается меня, я не увеличу свои войска ни однимъ солдатомъ, ни одной лошадей, увѣряю васъ. Обычное сосредоточеніе войскъ въ Варшавѣ, кое-какія незначительныя мѣры внутренней безопасности, вотъ и все, что будетъ сдѣлано. Попросите императора отъ моего имени сдѣлать то же“.

Затѣмъ, въ разговорѣ о южной Германіи, Государь высказалъ мысль (которую посланникъ нашелъ парадоксальной), что такъ какъ эти страны приняли сторону сѣверной Германіи, то даже въ случаѣ успѣха Пруссіи онѣ могутъ достигнуть болѣе сноснаго существованія, чѣмъ до войны, и присовокупилъ:

„Если императоръ австрійскій и я, дѣйствуя въ согласіи, заявили бы громко (какъ я намѣренъ сдѣлать это со своей стороны) наше мнѣніе объ этомъ вопросѣ, то мы всегда нашли бы средство заставить выслушать себя, даже побѣдоносную Пруссію. Что касается меня, я стоялъ бы за то, чтобы предоставить протекторатъ надъ южной Германіей Австріи, и я для этой комбинаціи имѣю въ рукахъ согласіе императора Наполеона. Повторите все сказанное мнѣ вамъ въ Вѣнѣ, у меня нѣтъ отъ васъ секретовъ, сдѣлайте это скорѣе“.

Помимо официальныхъ извѣщеній о намѣреніяхъ Россіи, которыя французскій кабинетъ получалъ отъ своихъ посланниковъ въ Петербургъ и Вѣнѣ, Наполеонъ III былъ освѣдомленъ о намѣреніяхъ Царя другимъ, довольно оригинальнымъ путемъ. Эмиль Оливье рассказываетъ объ этомъ эпизодѣ слѣдующее:

„Въ Мецъ, дня за два до пріѣзда туда Императора, пріѣхала пожилая дама, которая выразила желаніе быть принятой фельдмаршаломъ Базеномъ; она передала ему визитную карточку, на которой было написано: „Графиня Вороничъ де Паэнца“.

Принятая адъютантомъ фельдмаршала, поручикомъ Базеномъ, она рассказала ему слѣдующее:

„Возвращаясь изъ Россіи, куда она ѣздила просить Императора Александра о помилованіи ея зятя, высланнаго въ Пермь, она остановилась проѣздомъ на станціи Гиссенъ. Въ тотъ моментъ, когда она пріотворила дверь, чтобы выйти изъ станціоннаго зала, она увидала русскаго Императора и короля Пруссіи, бесѣдовавшихъ, прогуливаясь подъ руку по аллеѣ передъ станціей.

Монархи разговаривали громко, и она услышала, какъ русскій Императоръ говорилъ:

„Я особенно хотѣлъ бы, чтобы никто не вмѣшивался въ вашу ссору. Я велѣлъ сказать, чтобы Австрія держала себя спокойно, и что ежели она мобилизуетъ хотя бы одного человѣка, моя польская армія вступитъ въ Галицію. Вообще же, она не тронется съ мѣста. Венгрія не присоединится къ Австріи для отомщенія; никто не вмѣшается, вы уладите ваше дѣло между собою.

„Я увѣренъ въ вашей побѣдѣ; пора этому случайному монарху (ce Souverain d'aventure) получить урокъ“.

Король рассыпался въ благодарности:

„Я меньшаго и не ждалъ отъ твоего расположенія... я полагаюсь на мою армію... положеніе было невыносимое“ и т. д.

Черезъ день поручикъ Базень былъ принятъ императоромъ Наполеономъ III, рассказалъ ему подробно объ этомъ свиданіи, извиняясь за рѣзкость выраженія, которое ему приходилось употребить.

„Это не важно“, сказалъ императоръ.

Онъ выслушалъ внимательно Базена, поблагодарилъ его и сказалъ:

„Это возможно... но мало вѣроятно... интересы Австріи такъ очевидны... чтобы вступить въ Галицію и захватить чужую территорию, нужны иныя причины. Между ними нѣтъ союза“.

Немедленно послѣ этого разговора, поручикъ Базень телеграфировалъ префекту полиціи города Парижа, спрашивая его, можно ли довѣрять г-жѣ Вороничъ де Поэнца, проживающей на улицѣ Фонтанъ. Въ тотъ же вечеръ, часовъ около одиннадцати, изъ полицейской префектуры былъ полученъ отвѣтъ, что означенная особа—личность весьма почтенная, находится въ путешествіи и пользуется большимъ уваженіемъ.

Итакъ, говоритъ Оливье, не можетъ быть никакого сомнѣнія относительно желанія Царя. „Когда наша страсть къ Польшѣ смѣнилась страстью къ Россіи, и мысль о союзѣ съ нею сдѣлалась популярной во Франціи, мы были готовы забыть объ этой измѣнѣ любви, которая въ то время еще не народилась, и когда Нигра, въ своемъ дипломатическомъ этюдѣ, вспомнилъ о томъ, какъ Россія предупредила Вѣну и Парижъ, что если Австрія обнажить мечъ въ пользу Франціи, то Россія станетъ на сторону Пруссіи, его упрекали за то, что онъ хотѣлъ по злобѣ разстроить франко-русскій союзъ, и ни одинъ изъ наиболѣе извѣстныхъ ежемѣсячныхъ журналовъ не согласился напечатать его статью.

„Этотъ дипломатическій этюдъ, какъ писалъ Нигра Оливье, былъ предварительно представленъ для прочтенія Гирсу, въ то время министру иностранныхъ дѣлъ въ Россіи, которому онъ объявилъ, что готовъ отказаться отъ обнародованія его, если министръ найдетъ, что это можетъ быть непріятно русскому правительству, или не соответствуетъ его видамъ.

И этотъ государственный человѣкъ, возвращая мнѣ рукопись, которая была имъ представлена на усмотрѣніе Императора, писалъ мнѣ, что онъ не видитъ къ обнародованію этой статьи никакого неудобства съ точки зрѣнія русской политики. Факты, относящіеся къ войнѣ 1870 г., принадлежатъ исторіи и положеніе, занятое въ то время императорскимъ правительствомъ, настолько оправдывалось тогдашними обстоятельствами, что оно не могло быть ложно истолковано“.

Министръ иностранныхъ дѣлъ, кн. Горчаковъ былъ настроенъ къ Франціи, вообще говоря, благожелательнѣе, нежели Императоръ Александръ, но этотъ разъ, по словамъ Эмиля Оливье, онъ относился къ ней враждебнѣе.

Въ бытность свою въ Вильдбадѣ, въ іюлѣ мѣсяцѣ 1870 г., онъ не соблюдалъ нейтралитета, предписаннаго ему монархомъ и, по словамъ королевы Ольги Николаевны, старался сдѣлать Франціи какъ можно больше зла. Онъ склонялъ Варнбюлера присоединить вюртембергскія войска къ прусскимъ, а во время пребыванія въ Штутгартѣ, 26 іюля, убѣждалъ итальянскаго министра Греппи отговорить свое правительство заключить союзъ съ Франціей.

„Онъ (Горчаковъ) не скрывалъ отъ меня, говоритъ графъ Греппи ¹⁾, своего раздраженія по поводу образа дѣйствій Франціи. Онъ хотѣлъ, чтобы нейтральныя державы поспѣшили поблагодарить Пруссію за усилія, сдѣланныя ею, съ цѣлью избѣжать войны. Онъ надѣялся также, что война не будетъ продолжительна, хотя считалъ, что миръ можетъ быть заключенъ не прежде, чѣмъ одна изъ сторонъ одержитъ блестящую побѣду. Онъ радовался тому, что Италия объявила себя нейтральной, но онъ предпочелъ бы, чтобы она не вооружалась противъ Австріи. Онъ говорилъ, что для Италіи настало снова время доказать, что она причисляетъ себя къ числу великихъ державъ, не поддаваясь просьбамъ Франціи, которая хочетъ привлечь ее на свою сторону“.

Что касается Бейста, то онъ находилъ втайнѣ желательнымъ угрожающее положеніе, занятое Россіей, такъ какъ это давало ему возможность скрыть свое собственное бездѣйствіе.

Меттернихъ находилъ, что Грамонъ отнесся ко всему случившемуся слишкомъ спокойно и полагалъ, что онъ поддался иллюзіямъ, подъ впечатлѣніемъ оптимистическихъ донесеній генерала Флери, котораго, по его мнѣнію, въ Петербургѣ „провели, какъ новичка“.

Въ сущности, Флери нисколько не заблуждался относительно истиннаго положенія дѣлъ и прекрасно чувствовалъ, что Императоръ Александръ былъ настроенъ къ Франціи враждебно; онъ боялся даже, что если представится случай, то это недоброжелательное отношеніе могло побудить Царя къ активному выступленію противъ Франціи, и настаивалъ на томъ, чтобы герцогъ Грамонъ отказался отъ всякой попытки совмѣстныхъ выступленій съ Австріей.

„Австрія, при ея стѣсненномъ денежномъ положеніи и неоконченномъ вооруженіи, вынужденная вести борьбу съ внутренними

¹⁾ Une coulisse du théâtre de la guerre 1870, стр. 9.

осложненіями, не въ состояніи справиться съ какимъ-нибудь непредвидѣннымъ потрясеніемъ, писалъ онъ своему шефу 1 августа 1870 г., исходъ войны неизбежно будетъ для нея роковымъ: война расчленитъ ее, а наши интересы требуютъ, чтобы она существовала; нейтралитетъ же спасетъ ее“.

Грамонъ, не придавая значенія этому совѣту, продолжалъ домогаться союза съ Австріей. Тогда между тѣмъ, что говорилъ французскій посланникъ въ Петербургъ, и словами французскаго министра иностранныхъ дѣлъ появилось разногласіе. встревожившее русскій кабинетъ. Весманъ, замѣщавшій временно князя Горчакова въ конфиденціальной депешѣ, напомнилъ еще разъ самымъ рѣшительнымъ образомъ твердую волю царя.

„Герцогъ Грамонъ высказывается гораздо яснѣе, нежели французскій посланникъ, писалъ онъ. Онъ хочетъ встрѣтить поддержку со стороны Австріи въ военной демонстраціи, которая сосредоточила бы на границѣ Богеміи стотысячный корпусъ, что стѣснило бы дѣйствія Пруссіи. Итакъ, мы далеки отъ полнаго, невооруженнаго нейтралитета, каковой проповѣдуетъ намъ генераль Флери... Становясь на эту почву, герцогъ Грамонъ очевидно сдѣлаетъ невозможнымъ наше полное невмѣшательство въ эту войну, которое мы хотѣли бы соблюдать и которое французское правительство видимо само хотѣло бы, чтобы мы соблюдали. Поэтому, м. г., по повелѣнію императора я долженъ настаивать на соображеніяхъ, высказанныхъ мною въ моемъ предъидущемъ письмѣ. Полный нейтралитетъ Австріи является *непремѣннымъ условіемъ нашего собственнаго нейтралитета* и остается въ нашихъ глазахъ единственнымъ средствомъ устранить случайности, которыя помѣшали бы осуществленію нашихъ предположеній. Это единственное средство локализовать войну, помѣшать, чтобы она привела на поле сраженія новыхъ сражающихся, *избавила бы насъ отъ обязанности принять въ ней участіе и особенно не дала бы намъ очутиться, для самообороны въ рядахъ противниковъ Франціи и ея союзниковъ.* Самое энергичное воздѣйствіе Тюильрійскаго кабинета кажется намъ необходимымъ, чтобы утвердить Вѣнскій дворъ въ рѣшимости воздержаться отъ всякаго участія въ войнѣ, къ чему графъ Бейтсъ повидимому можетъ соблазниться. Мы продолжаемъ настаивать на его содѣйствіи въ этихъ видахъ общаго блага и льстимъ себя надеждою, что герцогъ Грамонъ увидитъ въ этомъ обстоятельствѣ, какую цѣну мы придаемъ поддержанію добрыхъ отношеній съ Франціей, которымъ размѣры настоящаго кризиса придаютъ повидимому болѣе цѣнности, чѣмъ когда-либо„.

Это было писано 24 іюля, а 29 числа Бейтсъ сообщилъ Гра-

мону черезъ Меттерниха докладъ, препровожденный ему Хотekomъ, въ коемъ такъ ясно была выражена воля Царя. Несмотря на это герцогъ Грамонъ продолжалъ добиваться союза съ Австріей.

„Содѣйствіе Россіи, говорилъ онъ, было бы слабо, нерѣшительно и убыточно; ея притязанія на Востокъ и ея явная враждебность къ намъ стоили бы намъ помощи турецкой арміи и симпатій Англіи, которая становится на сторожѣ всякій разъ, какъ дѣлается посягательство на неприкосновенность турецкой имперіи“. Онъ предписалъ Флери занять царя просьбою доставить Франціи въ свою очередь нейтралитетъ южно-германскихъ государствъ; Грамонъ не придавалъ этому предложенію серьезнаго значенія и видѣлъ въ немъ лишь средство дать Австріи время окончить безпрепятственно свои вооруженія.

Въ то время, какъ шли оффиціальныя переговоры, и кабинеты обмѣнивались депешами, была сдѣлана тайственная попытка повліять на Россію, о которой рассказываетъ Эмиль Оливье. Хотя она не имѣла сколько-нибудь значительныхъ послѣдствій, но она настолько курьезна, что рассказать объ ней съ его словъ будетъ небезынтересно.

Нѣкто Юлій Клячко, чиновникъ австрійской службы, по происхожденію полякъ, долгое время жившій во Франціи, приобрѣлъ тамъ извѣстность своими литературными работами и одно время сотрудничалъ въ редакціи *Revue des deux Mondes*, гдѣ съ нимъ познакомился Бейсть и предложилъ ему мѣсто въ своемъ министерствѣ, полагая найти въ немъ искуснаго редактора и блестящаго сотрудника. Клячко принялъ предложеніе вступить въ святая святыхъ австрійской бюрократіи, сразу занялъ въ ней одно изъ первыхъ мѣстъ, работалъ непосредственно съ самимъ министромъ и былъ однимъ изъ его ближайшихъ совѣтниковъ.

31 іюля 1870 г. Меттернихъ, по его желанію, представилъ его императрицѣ Евгеніи. Во время этой аудіенціи, Клячко особенно старался поставить на видъ, что его поѣздка въ Парижъ не имѣла политическаго характера: что у него была своя собственная цѣль, что онъ былъ поглощенъ одной мыслью, и что то другое было его личнымъ дѣломъ.

„Конечно, присовокупилъ Клячко, оно и не можетъ быть иначе, ибо то, что я сообщу вашему величеству, не есть какой-либо проектъ, или предложеніе, это не болѣе какъ мечта, но эта мечта преслѣдуетъ меня; иной разъ мнѣ кажется, что я вижу ея осуществленіе въ велѣніяхъ судьбы. Нынѣшнее положеніе австро-венгерской монархіи есть фикція. Дуализмъ въ томъ видѣ, въ какомъ онъ существуетъ, есть переходное состояніе—даже его творцы не вѣрятъ въ

его прочность. Австрійская монархія, естественно, должна эволюционировать до тѣхъ поръ, пока она не придетъ къ тому, что составляющія ее народности займутъ пропорціональное, если не одинаковое мѣсто въ монархіи. Начало положено въ Венгріи, такъ какъ венгерцы были лучше другихъ готовы къ сопротивленію. Имъ дали даже слишкомъ много, но не могутъ же нѣмцы и венгерцы раздѣлить между собою монархію, и стать во главѣ прочихъ народовъ монархіи, которые, вмѣстѣ взятые, сильнѣе ихъ. Начинаящая нынѣ война повлечетъ за собою естественно измѣненіе территоріальныхъ условій; представится благоприятный случай утвердить австрійскую монархію на прочной базѣ.

„Самое естественное для нея государственное устройство—была бы конфедерація государствъ, которая сохранили бы каждое свои нравы и обычаи и были бы связаны взаимно узами тѣмъ болѣе прочными, что они дали бы этимъ странамъ неоцѣнимыя преимущества, не заставляя ихъ поступаться своей національностью. Само провидѣніе какъ бы уготовило пути для осуществленія этого великаго дѣла. Предположимъ, что одинъ изъ этихъ герцоговъ будетъ виц-королемъ Венгріи, другой будетъ въ Мюнхенѣ, третій въ Львовѣ вице-королемъ Галиціи; палатинатъ и смежныя съ нимъ провинціи отойдутъ къ Франціи, Познань отойдетъ къ Россіи и съ той и съ другой стороны между Вѣной и Петербургомъ установится прочное и полное согласіе по польскому вопросу.

„Можно себѣ представить ближайшія послѣдствія этой перемѣны. Во-первыхъ прекратится взаимное недоверіе между Россіей и Австріей, поддерживаемое теперешнимъ положеніемъ польскихъ провинцій. Обѣ державы не будутъ долѣе соперницами, а сдѣлаются союзницами и примкнутъ къ великимъ реформамъ, починъ которымъ дастъ Франція. Война прекратится въ самомъ началѣ, ибо что можетъ сдѣлать Пруссія противъ Франціи, Россіи, Австріи и Италіи? Австрійская монархія, упрочившись, сдѣлается неизмѣнной союзницей Франціи, и это будетъ гарантіей мира. Если все это мечта, то мечта столь прекрасная, что я посмѣшилъ изложить ее вашему величеству. Какъ вы видите, все зависитъ отъ согласія и содѣйствія русскаго императора. Это самое главное и самое трудное. Кто могъ бы открыть передъ нимъ эти новые горизонты? Кто могъ бы разъяснить ему серьезныя выгоды, какія Россія извлекла бы изъ аннексіи, осуществленной при этихъ условіяхъ и въ этомъ духѣ? Этого не могъ бы сдѣлать никто въ Вѣнѣ, или по крайней мѣрѣ никто прибывшій изъ Вѣны“.

Императрица, увѣренная въ томъ, что Клячко былъ подосланъ Бейстомъ съ порученіемъ вывѣдать намѣренія Наполеона и его

правительства, не связывая себя никакими обѣщаніями, передала Грамону все слышанное, прося его не говорить объ этомъ никому, даже членамъ кабинета и передать Клячко черезъ Меттерниха, чтобы онъ явился на слѣдующій день въ министерство иностранныхъ дѣлъ. Онъ явился къ назначенному часу и хотя былъ сдержаннѣе и осторожнѣе, нежели въ Сенъ-Клу, тѣмъ не менѣе онъ придалъ своимъ мечтаніямъ болѣе реальную форму.

Грамонъ счелъ долгомъ довести все слышанное до свѣдѣнія Эмиля Оливье.

„Я отвѣчалъ ему, пишетъ Оливье, что мнѣ надоѣли эти проiski, происходящіе у меня за спиною, и что при первомъ же подобномъ случаѣ, я подаю въ отставку. Тогда Грамонъ испросилъ у императрицы Евгеніи позволеніе явиться къ ней со мною, и мы отправились вмѣстѣ въ Сенъ-Клу. Императрица передала мнѣ все подробно и предложила возложить на графа Бреда частное порученіе, въ родѣ того, какое было возложено на Клячко. Гр. Бреда, служилъ нѣкогда по дипломатической части и въ то время былъ уже въ отставкѣ; онъ былъ лично извѣстенъ великой княгинѣ Александрѣ Іосифовнѣ. Императрица полагала, что всего удобнѣе было бы получить доступъ къ царю, не возбуждая его опасеній черезъ великаго князя Константина Николаевича, „тѣмъ болѣе, сказала она, что при немъ можно произнести слово Польша, не пугая его“.

Предполагалось, что гр. Бреда поѣдетъ въ Россію какъ частное лицо, безъ оффиціального порученія, безъ полномочій и писемъ.

„Онъ долженъ былъ повидать генерала Флери, словесно передать ему подробности таинственнаго предложенія и просить его не вмѣшиваться въ дѣло до полученія дальнѣйшихъ приказаній. Позднѣе Флери долженъ былъ найти случай повѣдать „мечты“ великому князю и дѣйствовать въ зависимости отъ того, какъ будетъ принятъ его рассказъ и какое онъ произведетъ впечатлѣніе.

„Если бы оказалось, что онъ встрѣтитъ благосклонный пріемъ, то Бреда долженъ былъ испросить у Императора аудіенцію. Надлежало ли ему придать своей миссіи оффиціальный характеръ—это ему предоставлялось рѣшить на мѣстѣ, въ Петербургѣ.

„Прежде нежели принять окончательное рѣшеніе, Императрица Евгенія сочла однако благоразумнымъ узнать о шагѣ, сдѣланномъ Клячко, мнѣніе Бейста. Австрійскій министръ отвѣтилъ, что на Клячко не было возложено никакой миссіи, что онъ говорилъ лично отъ себя. Бейстъ „любитъ и цѣнитъ Клячко, но онъ немного фантазеръ и его планы бывають часто неособенно практичны¹⁾“.

¹⁾ Письмо къ Грамону Ла-Туръ д'Оверня отъ 5 августа 1870 г.

Тѣмъ дѣло и кончилось.

Когда всѣ старанія привлечь на свою сторону Россію и Австрію окончились неудачею, французское правительство сдѣлало попытку заручиться содѣйствіемъ маленькой Даніи, куда былъ посланъ для переговоровъ герцогъ Кадоръ. Но и тутъ преданность Царя своему дядѣ помѣшала Франціи заключить союзъ.

Данія, въ силу своего географическаго положенія, не могла рѣшиться дѣйствовать одна, не бывъ обезпечена въ томъ, что въ случаѣ нападенія своей могущественной сосѣдки—Пруссіи, она встрѣтитъ въ комъ-либо поддержку.

Датскій народъ въ то время еще не забылъ о потерѣ Шлезвигъ-Голштейна и былъ на сторонѣ Франціи, полагая, что въ случаѣ ея побѣды Данія получитъ обратно провинціи, отнятыя у нея Пруссіей въ 1864 г., и не смотря на это датскій король Христіанъ былъ сторонникъ Пруссіи.

Еще въ сентябрѣ 1862 г., въ то время, когда король былъ еще наслѣднымъ принцемъ, французскій посланникъ въ Даніи Дотезакъ писалъ объ немъ:

„Какъ это ни покажется странно и изумительно, но въ случаѣ войны Франціи съ Пруссіей, принцъ Христіанъ навѣрно будетъ на сторонѣ Пруссіи“.

Предсказаніе сбылось.

Какъ только король узналъ, что Франція намѣревалась послать свои суда въ Балтійское море, и для подготовки соглашенія съ Даніей послала въ Копенгагенъ чрезвычайнымъ посломъ герцога Кадора, онъ повѣрилъ свои опасенія и тревоги русскому посланнику въ Копенгагенъ Моренгейму съ просьбою просить у Царя и Горчакова ихъ покровительства противъ попытокъ Франціи.

Моренгеймъ телеграфировалъ тотчасъ въ Петербургъ.

Царь отвѣчалъ:

„Помѣшайте, во что бы то ни стало, заключенію этого союза, потому что если Данія не сохранитъ нейтралитета, то это послужитъ прецедентомъ для другихъ странъ Европы, а надобно во что бы то ни стало, чтобы эти страны остались нейтральны“.

Царь жаловался Флери на настоянія Франціи вовлечь Данію въ войну и приказалъ Горчакову телеграфировать въ Копенгагенъ, что Россія будетъ покровительствовать Даніи противъ гнета Франціи. Одновременно Императоръ телеграфировалъ королевѣ Викторіи, прося ее дѣйствовать въ согласіи съ нимъ. Гранвиль съ разрѣшенія своего кабинета велѣлъ сказать русскому посланнику Бруннову, что онъ готовъ обсудить вмѣстѣ съ нимъ вопросъ, сдѣлать представленіе Франціи и помѣшать ей толкнуть Данію

въ политику, столь противную ея интересамъ. Но одного сообщенія Горчакова оказалось достаточно, и Грэнвиллю не пришлось совѣщаться съ Брунновымъ. Ободренный этой поддержкой, король Христіанъ, не взирая на возбужденіе своихъ подданныхъ, объявилъ о нейтралитетѣ Даніи и отказался принять французскаго посланника, которому пришлось ни съ чѣмъ возвратиться въ Парижъ. Моренгеймъ въ награду за оказанную имъ услугу получилъ орденъ Слона, который жалуются однимъ принцамъ.

Такимъ образомъ, благодаря ясно и твердо выраженной волѣ русскаго Царя предоставить свое оружіе къ услугамъ Пруссіи, если только которая-либо изъ державъ нарушитъ нейтралитетъ, Франція осталась въ 1870 г. совершенно изолированной.

Король Вильгельмъ, на другой день послѣ побѣды, подтвердилъ этотъ историческій фактъ въ извѣстной телеграммѣ отъ 26 февраля 1871 г., посланной изъ Версаля.

Онъ писалъ Императору Александру:

„Никогда Пруссія не забудетъ, что она *Вамъ* обязана тѣмъ, что война не приняла чудовищныхъ размѣровъ. Да благословитъ Васъ Господь! Вашъ другъ признательный до гроба

Вильгельмъ“.

Царь отвѣчалъ:

„Я счастливъ, что могъ доказать Вамъ своимъ участіемъ, что Вы имѣете во мнѣ преданнаго друга. Да обезпечитъ связующая насъ дружба счастье и славу обѣихъ странъ

Александръ“.

Этотъ обмѣнъ дружественныхъ чувствъ несомнѣнно свидѣтельствуется о томъ, что бездѣйствіе Австріи, а слѣдовательно и Италіи въ 1870 г. было обусловлено тѣмъ положеніемъ, которое было занято Россіей по отношенію къ Франціи во время франко-прусскаго войны.

В. Тимошукъ.

